

У Фан Чжи из горла вырывались лишь стоны: «М-м-м, а-а-а», он сжимал ногами голову Сун Чэнцина, рукой слабо отталкивал человека между ног, сам не зная, хочет ли он ухватиться или оттолкнуть.

Сун Чэнцин высунул язык и слизал всю слизь с того места, затем посмотрел на отверстие ниже и, не удовлетворившись, раздвинул его двумя пальцами, разглядывая сокращающуюся мягкую плоть внутри, и сглотнул. Внизу член пульсировал от боли, уже давно твердый, словно готовый выломать дверь.

Но он всё же не мог удержаться, чтобы сначала не попробовать этот давно не виданный цветочек: он высунул язык и начал лизать, проникая в пещерку, где мягкая плоть мгновенно обвила его язык. Но он не собирался отпускать партнера снизу, продолжая лизать и сосать.

Фан Чжи потерял счет времени, перед глазами дрожал потолок, снизу накатывалась горячая волна, готовая его поглотить, волны наслаждения накрывали одну за другой, в голове было лишь одно желание — чтобы его сосали сильнее.

— А-а-а!.. Не.. полегче.. а-а!.. М-м-м.. Чэнцин.. умоляю, будь нежнее...

Сун Чэнцин будто не слышал, он продолжал с жадностью сосать ту плоть, пухлые половые губы были вывернуты его языком наружу, клитор посередине, полный крови, стоял, весь в скользкой жидкости — то ли слюне, то ли соке. Нижняя пещерка подрагивала и сжималась, словно приглашая войти внутрь что-то более крупное, чтобы заткнуть её.

Наигравшись и наевшись, Сун Чэнцин наконец взял в рот твердый маленький клитор и сильно сосал, мгновенно чувствуя, как горячая струя брызнула из цветочка.

— А-а! Чэнцин.. а-а, м-м-м, а-а-а!..

Фан Чжи, доведенный языком до фонтанирования, прищурился, слезы скатились по покрасневшим уголкам глаз, от него веяло чувственностью. Сун Чэнцин взобрался к нему с ног, с набранным ртом солоновато-влажного вкуса прижался к тем мягким губам и заговорил несерьезным тоном:

— Наш маленький Чжи сладок везде...

Фан Чжи, покраснев, отвечал на поцелуи, а рукой нащупал внизу здоровый кусок, который терся о его бедро, и обхватил его, вызвав у Сун Чэнцина тяжелый вздох.

Фан Чжи захотел снять с партнера одежду, но в спешке почему-то не получалось, чем больше спешил, тем сильнее путал, и от расстройства заплакал, обнимая Сун Чэнцина и тихо призывая:

— Чэнцин... скорее снимай.. м-м-м!

Сун Чэнцин помог ему наконец расстегнуть пуговицы и поцеловал:

— Я здесь, сейчас войду, мой маленький Чжи, будь послушным...

Взяв толстый предмет, он приставил его к отверстию цветочка, скользящие соки смачивали огромную головку, Сун Чэнцин медленно вошел оттуда, уткнувшись лицом в грудь Фан Чжи и посасывая два соска.

Сун Чэнцин испугался, что тот замерзнет, хотел вынуть и перенести на кровать, но Фан Чжи, наоборот, ногами перехватил его за талию и не давал уйти. Сун Чэнцин пришлось остановиться и уговаривать:

— Котик, давай перейдем на кровать, ладно? А то простудишься...

Фан Чжи обхватил его шею руками и с плачущим голосом уткнулся в грудь Сун Чэнцина, тяжело дыша:

— Нет... ты понеси меня... не вынимай...

Сун Чэнцин на секунду застыл, потом с улыбкой сказал:

— Почему наш маленький Чжи сегодня такой липучий? А?..

С этими словами он действительно одной рукой поддержал мягкую попку партнера, другой обхватил спину и поднял его на руки.

От смены положения предмет вошел еще глубже, разом ударив так, что Фан Чжи заплакал и вскрикнул от неожиданности, а потом, словно не мог жить без Сун Чэнцина, крепко вцепился руками в его шею, ногами зацепился за бока Сун Чэнцина и уткнулся головой в его плечо. Видимо, услышав тихий смешок у уха, он застеснялся и по-детски позвал по имени:

— Чэнцин...

Сун Чэнцин обожал его манеру стесняться, когда следовало, и распускаться без натуги, когда хотелось. Он нежно, на ходу, поцеловал Фан Чжи в щеку и с любовью отозвался:

— Ну вот, я здесь...

Под одеялом на кровати переплелись два белых тела. Фан Чжи обнимал его за плечи, и от толчков его голос прерывался, время от времени раздавались плачущие мольбы о пощаде, которые Сун Чэнцин перехватывал поцелуями, глотая эти стыдные капризы. Вскоре Фан Чжи, хмыкая, закончил, цветочек источал соки, обливая бьющуюся внутри головку, и в следующий момент Сун Чэнцин почувствовал, как проход сжался, словно ротик старательно высасывал его член — он не выдержал и тоже кончил.

Сперма била струями в горячую вагину, от холода Фан Чжи инстинктивно, в полудреме, прижался ближе к Сун Чэнцину. Тот обнял его и с любовью поцеловал губы, покрасневшие от его же поцелуев. Их губы соприкасались, они терлись и покусывали друг друга, наслаждаясь остатками наслаждения после пика.

Фан Чжи был так сильно перетрахан, что ноги почти потеряли чувствительность. Когда Сун Чэнцин наконец вышел, тот всё еще лежал с широко раздвинутыми ногами, не в силах пошевелиться — стоило пошевелить бедрами, как чувствовалась страшная боль. Вчера они возились всю ночь, утром снова долго занимались этим, так что сейчас он действительно не мог двигаться вообще.

Фан Чжи медленно приходил в себя, но ноги не слушались, он мог лишь сохранять эту постыдную позу и медленно ворочаться, от стыда плача и тихо всхлипывая. Сун Чэнцин наливал ему воду, на нем было небрежно наброшено нижнее белье, шнурки развязаны — такую хорошую одежду он выглядел как развратник.

Услышав шум на кровати, он тут же подбежал спрашивать, что случилось, решив, что слишком грубо задел его. Фан Чжи застеснялся и не хотел говорить, но под одеялом ноги все еще были расставлены. Сун Чэнцин обнял его, наговорил кучу ласковых слов, и лишь тогда тот тихо, с одышкой, пробормотал что-то вроде «ноги болят, не могу двигаться...», и с упреком отвернул голову в сторону, игнорируя партнера; глаза у него были красные, в уголках висели слезы — до того жалко.

Сун Чэнцин в этот момент вспомнил, как надо жалеть, ротиком просил прощения и заговаривал зубы, не зная, куда деть руки, полез под одеяло и аккуратно начал растирать бедра Фан Чжи. Великий полководец Сун на постели супруги был как виноватый щенок, в капризах и канительстве был мастером, и даже поза прощения у него была мягкой, словно он ждал, когда супруг остынет.

Так, сидя, он поработал его ногами некоторое время, Фан Чжи постепенно стал шевелиться, и первое, что он сделал — отстранил большие руки, теревшие пах, медленно свел ноги вместе. Устроившись поудобнее, он застеснялся и бросил взгляд на Сун Чэнцина, как раз наткнувшись на его переполненные любовью глаза, от стыда опустил голову и отвернулся.

Сун Чэнцин был без ума от такого его вида, прижал человека к лицу и выпрашивал поцелуй, терся о ушки и щеки супруги, делая вид джентльмена, якобы обязательно дождется согласия, прежде чем целовать в губы.

Фан Чжи знал, что тот дразнится, но всё же решил выполнить требование — своего генерала надо баловать... Поэтому голова, уткнувшись в мягкую подушку, слегка кивнула, и Сун Чэнцин нежно развернул его щеки к себе. Они смотрели друг другу в глаза, взгляды слиплись от нежности, хотя и делали дела постыднее, но этот поцелуй губами казался полным тысячи невыразимых прелестей, до того стыдно, что глаза не открываются.

Сун Чэнцин тихо сказал:

— Люблю тебя...

И мягко потерся носом о нос партнера, затем медленно спустился ниже и поцеловал слегка приоткрытые губы. Не так грубо, как только что, сейчас это было нежно, словно он боялся испортить свою драгоценную супругу, лишь осторожно лизал губы Фан Чжи языком, что-то прошептал и лишь потом осторожно просунул язык в мягкий рот партнера.

— Маленький Чжи...

Фан Чжи нахмурился и хмыкнул пару раз, рука невольно легла на плечо партнера, он тяжело дышал небольшими ртами, покраснение в уголках глаз еще не сошло, влажные глаза были полуприкрыты, словно у кота, только что укравшего вкусненькое. Он комфортно расслабился всем телом, позволяя Сун Чэнцину нежно целовать и мешать языком, губы и язык тянули серебряную нить, которая рвалась от двусмысленных движений и капала на белый подбородок Фан Чжи.

Сун Чэнцин погладил его влажные волосы у висков, с любовью приблизился и поцеловал:

— Какой послушный...

С этими словами предмет внизу снова встал, непоседливо терся о попу Фан Чжи, двигаясь в мягкой межъягодичной борозде.

Куннилингус (1/1)

Я готов, а вы?

Сегодня я выкатил целых три обновления, это просто безумно долго.

Прошу оставлять комментарии, добавлять в закладки и подписываться, как положено! Чмок!

Сун Чэнцин испугался, что тот замерзнет, хотел вынуть и перенести на кровать, но Фан Чжи, наоборот, ногами перехватил его за талию и не давал уйти. Сун Чэнцин пришлось остановиться и уговаривать:

— Котик, давай перейдем на кровать, ладно? А то простудишься...

Фан Чжи обхватил его шею руками и с плачущим голосом уткнулся в грудь Сун Чэнцина, тяжело дыша:

— Нет... ты понеси меня... не вынимай...

Сун Чэнцин на секунду застыл, потом с улыбкой сказал:

— Почему наш маленький Чжи сегодня такой липучий? А?..

С этими словами он действительно одной рукой поддержал мягкую попку партнера, другой обхватил спину и поднял его на руки.

От смены положения предмет вошел еще глубже, разом ударив так, что Фан Чжи заплакал и вскрикнул от неожиданности, а потом, словно не мог жить без Сун Чэнцина, крепко вцепился руками в его шею, ногами зацепился за бока Сун Чэнцина и уткнулся головой в его плечо. Видимо, услышав тихий смешок у уха, он застеснялся и по-детски позвал по имени:

— Чэнцин...

Сун Чэнцин обожал его манеру стесняться, когда следовало, и распускаться без натуги, когда хотелось. Он нежно, на ходу, поцеловал Фан Чжи в щеку и с любовью отозвался:

— Ну вот, я здесь...

Под одеялом на кровати переплелись два белых тела. Фан Чжи обнимал его за плечи, и от толчков его голос прерывался, время от времени раздавались плачущие мольбы о пощаде, которые Сун Чэнцин перехватывал поцелуями, глотая эти стыдные капризы. Вскоре Фан Чжи, хмыкая, закончил, цветочек источал соки, обливая бьющуюся внутри головку, и в следующий момент Сун Чэнцин почувствовал, как проход сжался, словно ротик старательно высасывал его член — он не выдержал и тоже кончил.

Сперма била струями в горячую вагину, от холода Фан Чжи инстинктивно, в полудреме, прижался ближе к Сун Чэнцину. Тот обнял его и с любовью поцеловал губы, покрасневшие от его же поцелуев. Их губы соприкасались, они терлись и покусывали друг друга, наслаждаясь остатками наслаждения после пика.

Фан Чжи был так сильно перетрахан, что ноги почти потеряли чувствительность. Когда Сун Чэнцин наконец вышел, тот всё еще лежал с широко раздвинутыми ногами, не в силах пошевелиться — стоило пошевелить бедрами, как чувствовалась страшная боль. Вчера они возились всю ночь, утром снова долго занимались этим, так что сейчас он действительно не

мог двигаться вообще.

Фан Чжи медленно приходил в себя, но ноги не слушались, он мог лишь сохранять эту постыдную позу и медленно ворочаться, от стыда плача и тихо всхлипывая. Сун Чэнцин налил ему воду, на нем было небрежно брошено нижнее белье, шнурки развязаны — такую хорошую одежду он выглядел как развратник.

Услышав шум на кровати, он тут же подбежал спрашивать, что случилось, решив, что слишком грубо задел его. Фан Чжи застеснялся и не хотел говорить, но под одеялом ноги все еще были расставлены. Сун Чэнцин обнял его, наговорил кучу ласковых слов, и лишь тогда тот тихо, с одышкой, пробормотал что-то вроде «ноги болят, не могу двигаться...», и с упреком отвернул голову в сторону, игнорируя партнера; глаза у него были красные, в уголках висели слезы — до того жалко.

Сун Чэнцин в этот момент вспомнил, как надо жалеть, ротиком просил прощения и заговаривал зубы, не зная, куда деть руки, полез под одеяло и аккуратно начал растирать бедра Фан Чжи. Великий полководец Сун на постели супруги был как виноватый щенок, в капризах и канительстве был мастером, и даже поза прощения у него была мягкой, словно он ждал, когда супруг остынет.

Так, сидя, он поработал его ногами некоторое время, Фан Чжи постепенно стал шевелиться, и первое, что он сделал — отстранил большие руки, теревшие пах, медленно свел ноги вместе. Устроившись поудобнее, он застеснялся и бросил взгляд на Сун Чэнцина, как раз наткнувшись на его переполненные любовью глаза, от стыда опустил голову и отвернулся.

Сун Чэнцин был без ума от такого его вида, прижал человека к лицу и выпрашивал поцелуй, терся о ушки и щеки супруги, делая вид джентльмена, якобы обязательно дождетя согласия, прежде чем целовать в губы.

Фан Чжи знал, что тот дразнится, но всё же решил выполнить требование — своего генерала надо баловать... Поэтому голова, уткнувшись в мягкую подушку, слегка кивнула, и Сун Чэнцин нежно развернул его щеки к себе. Они смотрели друг другу в глаза, взгляды слиплись от нежности, хотя и делали дела постыднее, но этот поцелуй губами казался полным тысячи невыразимых прелестей, до того стыдно, что глаза не открываются.

Сун Чэнцин тихо сказал:

— Люблю тебя...

И мягко потерся носом о нос партнера, затем медленно спустился ниже и поцеловал слегка приоткрытые губы. Не так грубо, как только что, сейчас это было нежно, словно он боялся испортить свою драгоценную супругу, лишь осторожно лизал губы Фан Чжи языком, что-то прошептал и лишь потом осторожно просунул язык в мягкий рот партнера.

— Маленький Чжи...

Я, б***ь, выкатил четыре обновления! Я пишу как сумасшедший!! Я правда обожаю капризных принимающих! Сун Чэнцин, какую карму ты накопил в прошлой жизни, чтобы встретить нашего маленького Чжи, я тебя, б***ь, убью!!

Получается, все мои тексты про капризных принимающих, у-у-у-у-у.

Все, пожалуйста, подписывайтесь на этого тупого автора, у-у-у-у-у.

<http://bllate.org/book/16757/1540559>